

PERSONALIA

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Химия. Биология. Экология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 114–124
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Chemistry. Biology. Ecology, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 114–124

Персоналии
УДК 59.007
<https://doi.org/10.18500/1816-9775-2021-21-1-114-124>

Ранний старт и короткая жизнь одного энтомолога (к 110-летию Андрея Андреевича Рихтера)

Я. А. Рихтер¹, Т. Я. Рихтер², В. В. Аникин¹✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Филадельфия, США

Рихтер Яков Андреевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры общей геологии и полезных ископаемых, errato19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2511-8550>

Рихтер Татьяна Яковлевна, кандидат биологических наук, независимый исследователь, Филадельфия, США, tyr2627@gmail.com

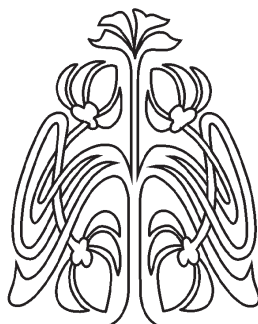
Аникин Василий Викторович, доктор биологических наук, профессор кафедры морфологии и экологии животных, anikinvasiliiv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-5418>

Аннотация. В Зоологическом музее Саратовского университета в конце 2019 г. обнаружена коллекция насекомых, собранная А. А. Рихтером в годы учебы (1926–1930) в окрестностях г. Саратова и в районах Нижневолжского края, а также на Северном Кавказе и в Закавказье. Его коллекция осталась необработанной, но имеет достаточную степень сохранности. Её изучение дало первые результаты, важные для уточнения некоторых обстоятельств его биографии, а в дальнейшем, возможно, позволит выявить особенности состава и экологии энтомофауны на территориях, еще не затронутых переменами 90 лет назад. Коллектор – Андрей Андреевич Рихтер (1911–1950), известный энтомолог, доктор биологических наук (1945), профессор, заведующий лабораторией колеоптерологии Зоологического института РАН. В 1938–1939 гг. он был арестован и оказался под следствием по клеветническому обвинению. Тяжелая болезнь и преждевременная смерть застали его в начале научной деятельности. Его основные научные труды были посвящены разработке проблемы жилкования надкрыльев жуков в филогенетическом отношении, а также детальной систематике семейства златок (Buprestidae). Статья написана на основе документов и переписки, хранящихся в ряде российских архивов, а также материалов семейного архива.

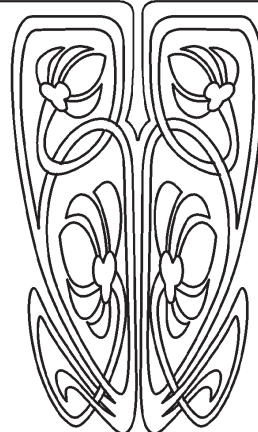
Ключевые слова: Зоологический музей, Саратовский университет, А. А. Рихтер, коллекция насекомых, жилкование надкрылий жуков, златки (Buprestidae), систематика, экология

Для цитирования: Рихтер Я. А., Рихтер Т. Я., Аникин В. В. Ранний старт и короткая жизнь одного энтомолога (к 110-летию Андрея Андреевича Рихтера) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Химия. Биология. Экология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 114–124. <https://doi.org/10.18500/1816-9775-2021-21-1-114-124>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Personalia

<https://doi.org/10.18500/1816-9775-2021-21-1-114-124>

Early start and short life of an entomologist (110th Anniversary of Andrey Andreevich Richter)

Yakov A. Richter¹, errato19@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2511-8550>

Tatiana Ya. Richter², tyr2627@gmail.com

Vasilii V. Anikin¹✉, anikinvasiliiv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-5418>

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Philadelphia, PA, USA

Abstract. At the end of 2019 an old collection of insects was found in the Zoological Museum of Saratov State University. It was collected in the vicinity of Saratov, in the Lower Volga region, as well as in the North Caucasus and Transcaucasia, by young Andrey A. Richter while he was studying at school and Saratov University (1926–1930). The collection (185 specimens) was not processed, with most insects left unidentified. Nevertheless, it has been well preserved. Its examination has already produced first results important for better understanding of A. A. Richter biography. Further species identification may reveal the entomofauna composition not yet affected by environmental changes at the time, hence facilitating ecological research in the area. Collector – Andrey Andreevich Richter (1911–1950), prominent entomologist, Doctor of Biological Sciences (1945), professor, head of the coleopterology laboratory at the Institute of Zoology, Russian Academy of Sciences. In 1938–1939 he was arrested and imprisoned on false allegations. His life and scientific career were cut short by terminal illness at the age of 39. His main studies were focused on elytral venation and its role in phylogenetics, and on the detailed jewel beetles taxonomy (Buprestidae). The article is based on the documents and correspondence from Russian state archives, as well as from Richter family archive.

Keywords: Zoological Museum, Saratov State University, A. A. Richter, collection of insects, elytral venation in beetles, jewel beetles (Buprestidae), taxonomy, ecology

For citation: Richter Ya. A., Richter T. Ya., Anikin V. V. Early start and short life of an entomologist (110th Anniversary of Andrey Andreevich Richter). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Chemistry. Biology. Ecology*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 114–124. <https://doi.org/10.18500/1816-9775-2021-21-1-114-124>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В 2021 г. исполняется 110 лет со дня рождения известного энтомолога, выпускника Саратовского университета, доктора биологических наук, профессора, ведущего сотрудника Зоологического института (ЗИН) АН СССР Андрея Андреевича Рихтера (1911–1950). Его жизнь и деятельность не изучены, и поэтому мы решили представить известный нам материал для его биографии. Настоящая статья написана на основе найденных нами документов и переписки, хранящихся в ряде российских архивов, а также материалов семейного архива. Недавнее открытие в фондах Зоологического музея Саратовского государственного университета коллекции насекомых, собранной А. А. Рихтером во второй половине 20-х гг. прошлого столетия, позволило нам уточнить некоторые обстоятельства его жизни и начала научной деятельности [1].

Андрей Андреевич прожил короткую, но очень яркую и насыщенную событиями жизнь. Как будто зная о своем коротком веке, он спешил совершить в ней обычные человеческие дела и заняться единственным важным делом – наукой, обнаружив необыкновенную любознательность и способности к познанию природы.

Он родился в С.-Петербурге 26 марта 1911 г. в семье крупного ученого, ботаника и физиолога растений, будущего академика Андрея Алексан-

дровича Рихтера. Его раннее детство прошло в имении отца в селе Куровском Перемышльского уезда Калужской губернии. Здесь маленький Андрей собирал своих первых насекомых, проводя много времени в саду и окрестностях отцовского имения. Андрей был единственным и поздним ребенком во втором браке Андрея Александровича и был окружен на каждом шагу любовью, заботой и вниманием. Его мать Вера Андреевна Рихтер, в девичестве Власенко, была врачом – она закончила С.Петербургский женский медицинский институт, получив диплом лекаря с отличием.

Школьные годы Андрея Андреевича относятся ко времени, когда семья его жила сначала в Перми, где его отец участвовал в организации университета [2], а затем в Саратове, где он работал в университете и на сельскохозяйственной опытной станции (фото). Андрей Андреевич был одним из первых учеников, в чем мы видим немалую заслугу его родителей, серьезно занимавшихся образованием и воспитанием сына и давших ему прекрасную домашнюю подготовку. Отец так оценивал подрастающего сына в письме из Перми своему другу академику В. Л. Комарову (от 9.09.1923 г.): «Андрей растет разбойником, сочетая в себе совершенного еще младенца, способного увлечься копкой воображаемой пещеры в песке и вполне сознательного и настойчивого

собирателя жуков, разбирающегося в определителях, взасос читающего энтомологию Холодковского, не оставляющего без раскапывания ни одной навозной кучи и прямо удивляющего меня своими знаниями в биологии животных» [3]. Спустя год, уже в Саратове, он отмечает, что «жизнь на станции (тогда на окраине города. – авт.) ему очень на пользу. Несмотря на то что ему придется ежедневно отправляться в город в школу, он и слышать не хочет о городском житье. Записался в пионеры и предводительствует станционной мелюзгой, разводит кур, со страстью собирает жуков и воюет с матерью, проявляя начала самостоятельности» [4].

Сын становился все более взрослым и ему необходимо было уделять больше внимания. «Мне приходится с ним заниматься, добавляя крайнюю недостаточность школы, и он меня постоянно удивляет своими способностями и легким ориентированием в довольно сложных областях математики. Ленъ, вместе с тем, феноменальная, если его что-либо не интересует. Вообще, любопытный тип. Жаль, если не удастся довести его до университета», – писал Андрей Александрович в другом письме В. Л. Комарову [5]. И такая опасность существовала: в стране после революции действовали новые социальные принципы при поступлении в вузы, отдававшие предпочтение детям рабочих и крестьян.

В Саратове Андрей учился в трудовой школе 2-й ступени на Московской улице. Он закончил её на пару лет раньше своих сверстников, в 1927 г. В том же году он поступил на первый курс педагогического факультета Саратовского университета. В те годы в университете преподавали профессора К. А. Леонтьев (физика), Я. Я. Додонов, В. В. Челинцев, В. П. Голуб и Н. А. Шлезингер (химия), Д. Е. Янишевский (ботаника), его отец А. А. Рихтер (физиология растений), В. П. Пospelов (зоология беспозвоночных, в основном энтомология), В. П. Бушинский (почвоведение), Б. А. Можаровский (геология) – известные крупные ученые и прекрасные лекторы. В университете были солидная научная библиотека и неплохие лаборатории, так что учиться было интересно. Возможно, на формирование будущего ученого мог повлиять профессор В. П. Пospelов, заведывавший в те годы объединенной кафедрой зоологии и представлявший на ней энтомологическое направление. Он был одним из инициаторов организации местных учреждений по защите сельскохозяйственных растений, создания в стране в 1931 г. службы карантина растений и организатором работ по внедрению биологического метода борьбы с вредными насекомыми.

Профессор А. А. Рихтер с сыном Андреем у дома на территории Саратовской опытной сельскохозяйственной станции, 1925 г.

Professor Andrey A. Richter with his son Andrey by their cottage. Saratov Agricultural Experimental Station, 1925

Стремительно, за три года, Андрей Рихтер прошел курс университета, окончив естественное отделение педагогического факультета в 1930 г. Летом 1929 г. он отбыл на лагерных сборах 3-месячную «высшую допризывную подготовку». В годы учебы в университете юный Андрей всё свободное время отдавал любимой энтомологии, занимаясь сборами насекомых в окрестностях города, а также во время дальних поездок и экскурсий. Недавно мы получили этому неожиданное подтверждение.

В конце 2019 г. профессор В. В. Аникин обнаружил в Зоологическом музее Саратовского университета коллекцию насекомых с этикетками, на которых указывался коллектор – некто Рихтер, а также даты и место сбора. Чаще всего это территория сельскохозяйственной опытной станции и окрестности Саратова, но есть также указания о сборах на Северном Кавказе и в Закавказье, на Черноморском побережье. После консультации с профессором Я. А. Рихтером стало очевидно, что речь идет об Андрее Андреевиче Рихтере, сыне профессора Саратовского университета Андрея Александровича Рихтера.

Сохранившаяся коллекция относительно небольшая (185 экз.), но она создана на основе многолетних сборов в 1925–30-е годы. С большой вероятностью можно считать, что изначально коллекция была гораздо более значительна количественно. При отъезде из Саратова в 1931 г. Андрей Андреевич мог взять с собой часть коллекции, более важную для него на тот момент, и оставить другую ее часть на биологическом факультете в Саратове. Вероятно, он надеялся на сохранение

своей коллекции в стенах университета, но мог ли он предполагать, что через 90 лет она будет найдена и вновь станет предметом научного интереса? Назначение коллекции, если таковое было, нам пока неясно, и, возможно, специальное исследование состава представленных в ней насекомых позволит это выяснить. Коллекция осталась необработанной, лишь для единичных экземпляров приводятся видовые или родовые определения. Ясно, что она имеет не только историческую ценность, но, возможно, отражает особенности экологии и состава энтомофауны тех лет на территориях, окружавших городскую застройку и не затронутых переменами 30-х и более поздних годов. Предварительный просмотр коллекции, произведенный профессором В. В. Аникиным, дал следующие результаты.

Сборы насекомых проводились экскурсионным методом в двух регионах – в Нижнем Поволжье (в основном в районе г. Саратова) и на Северном Кавказе и в Закавказье, всего в 22 местах. Как

можно было ожидать, в целом значительная часть коллекции (45%) приходится на район опытной сельскохозяйственной станции и ее окрестности. Сборы 1928 г. в основном представлены насекомыми из окрестностей г. Нальчика в Кабардино-Балкарии (около 60% всего представленного за этот год материала). В целом выявлено огромное преобладание представителей Hemiptera (73%), на втором месте Hymenoptera (20,5%). Характерно почти исключительное представительство этих отрядов в сборах Закавказья и Черноморского побережья (р-ны Сочи и Нового Афона). Совершенно отсутствуют бабочки (Lepidoptera) и почти полностью жуки (Coleoptera), обычные для сборов любителей.

Этикетки заполнялись, скорее всего, после маршрутов. В них не содержится сведений о самих экземплярах насекомых (за редким исключением), что указывает на первичный характер документации. Большинство из них заполнены Андреем Андреевичем Рихтером (фото 2).

Этикетка обычного образца, написанная рукой Андрея Рихтера (слева) и этикетка, заполненная Людмилой Тяпкиной
Regular label, handwritten by Andrei Richter (left). Handwritten label by Lyudmila Tyapkina

Некоторые этикетки заполнены другими лицами, почерк которых заметно отличается от такового Андрея Андреевича. Среди них нами было обнаружено несколько этикеток, на которых записи сделаны характерным почерком, хорошо знакомым первому автору статьи – рукою его матери Людмилы Владимировны Тяпкиной.

Маршруты экскурсий охватывают известные окрестности Саратова: опытная с.-х. станция, вязовые посадки рядом с ней, Кумысная поляна в лесу на Лысой горе и с. Разбойщина. Даты на этикетках свидетельствуют о их знакомстве и постоянном общении в эти годы.

В первую очередь Андрея Рихтера интересовали насекомые – вредители лесных насаждений и плодовых деревьев, а также паразиты других насекомых. Уже тогда он преимущественно занимался жуками, и в первую очередь златками как вредителями древесных растений. Их нет в коллекции, скорее всего, потому, что перед отъездом

из Саратова он забрал их с собой. Оставленный в Саратове материал, вероятно, был получен как сопутствующий специальным сборам и характеризует энтомологический «фон» того времени в местах сбора.

Найденная коллекция относится ко времени становления молодого начинающего ученого, пока еще скромного коллектора насекомых. Но она же свидетельствует о его широком подходе к изучению мира насекомых, глубоком интересе к проблемам их распространения и экологии. В эти годы Андрей Рихтер занялся энтомологией всерьез и на всю жизнь, он нашел свою дорогу в науку. Ему было свойственно спешить, и в жизни он тоже спешил. Он рано женился и в 20 лет имел сына, и рано, в 24 года, защитил диссертацию. Он всё делал быстро, он торопился...

После окончания университета Андрей был направлен по распределению учителем естествознания и химии в Самойловский район

Андрей Андреевич Рихтер
(начало 1930-х гг.)
Andrey A. Richter (early 1930s)

Людмила Владимировна Тяпкина
(1929 г.)
Lyudmila V. Tyapkina (1929)

Саратовской области, что совсем не совпадало с его намерениями и планами, и он туда не поехал. Поэтому диплом об окончании университетского курса он не получил, и долгое время краткая машинописная справка о прохождении курса наук в Саратовском университете (№ 103 от 27.09.1930) была его единственным документом о высшем образовании. В ней указывалось, что «свидетельство об окончании будет выслано по месту работы» (куда он был направлен. – *авт.*). Чтобы остаться в Саратове, он поступил в Нижне-Волжское краевое отделение Акционерного Общества по борьбе с вредителями (впоследствии – ОБВ, отдел по борьбе с вредителями Наркомзема). Как писал он впоследствии в своей краткой биографии, «работал по окуливанию (зачеркнуто. – *авт.*) дезинфекции хлебных элеваторов хлорпикрином, проработал там 3 с лишним месяца. С прекращением сезонной оперативной работы оттуда самовольно ушел, не оставшись на работу канцелярскую». Таким довольно рискованным образом ему удалось уклониться от предложенного «выбора». Не без помощи своего отца, к тому времени члена-корреспондента АН СССР, он был в октябре 1930 г. зачислен аспирантом при только что открытом Саратовском институте аспирантуры Сельско-хозяйственной академии им. Ленина, в которой состоял менее года. Затем его «бросили» на коллективизацию и посевную кампанию в Вязовский район Нижне-Волжского края (ныне – Саратовской области). Его отец стал хлопотать перед В. Л. Комаровым, своим давним товарищем, тогда уже вице-президентом Академии Наук: «Если не затруднит Вас, сообщите результаты Ваших анкет по поводу возможности

для Андрея перевестись в аспиранты Академии Наук. Сейчас он мобилизован на работу по коллективизации и сидит в глухом углу месяца на два, но мечта его – выбраться из Саратова, где ему делать нечего, все такая же горячая» [6]. Вернувшись из района в апреле, Андрей застал Институт аспирантуры расформированным.

В результате предпринятых хлопот в мае 1931 г. Андрей был переведен аспирантом Всероссийского института защиты растений (ВИЗР) той же академии, переехал в Ленинград и сразу же был направлен в свою первую полевую экспедицию в Северо-Кавказский край, на Кубань в станицу Славянскую, где располагался известный плодовый совхоз «Сад-Гигант». В аспирантуре ВИЗРа Андрей Рихтер занимался под руководством проф. В. Н. Старка изучением насекомых-вредителей плодовых и лесных растений. Ему было поручено изучение эффективности мероприятий против садовых вредителей на территории огромного сада совхоза «Сад-Гигант». В 1932 г. он изучал лесных вредителей в Красногвардейском и Лужском районах Ленинградской области. По итогам этой работы в декабре 1932 г. он успешно защитил аспирантскую диссертацию на тему: «Жуки-златки – вредители лесоматериалов Ленинградской области» и получил специальность лесного энтомолога, практически очень важную.

Однако он остался совершенно не удовлетворен полученными результатами прикладного характера и решил заниматься более глубоко общими вопросами экологии и систематики жуков семейства златок, а для этого снова идти в аспирантуру. Здесь его ожидали препятствия, которые

необходимо было преодолеть. Постановлением Президиума ВАСХНИЛ от 26 сентября 1932 г. о распределении оканчивающих аспирантуру А. А. Рихтер был направлен на постоянную работу в Лесомелиоративный институт (Москва) в качестве научного работника, куда должен был прибыть не позднее 20 февраля 1933 г. Видимо, узнав об этом решении, Андрей Андреевич 13 января 1933 г. написал заявление в Комитет по кадрам Академии Наук с просьбой о зачислении в состав аспирантов АН. В Комитете было решено зачислить А. А. Рихтера в аспирантуру АН с 1 февраля и направить его на коллоквиум в ЗИН с тем, чтобы рассмотреть вопрос о приеме в аспирантуру при этом институте. После коллоквиума 3 марта он был зачислен в аспирантуру и начал работать под руководством известного энтомолога проф. Н. Я. Кузнецова. Ввиду позднего зачисления и дефицита времени Андреем Андреевичем был разработан весьма напряженный учебно-производственный план аспиранта, рассчитанный на 6 месяцев (март – август 1933 г.).

Тема работы, предложенная Н. Я. Кузнецовым, была сформулирована так: «Физиолого-химические основы холодостойкости и сухостойкости насекомых на примере личинки *Monochamus*, вредителя сосны и ели». 4 апреля 1933 г. Андрей Рихтер подготовил доклад «Проблема вида и классификации у Дарвина». В отзыве проф. Н. Я. Кузнецова от 4 июня 1933 г. отмечались хорошая научная подготовленность аспиранта и способности к научным исследованиям. В плане работы аспиранта с 1 октября 1933 по 1 октября 1934 г. тема диссертационного исследования была сформулирована несколько иначе: «Проблема массового размножения лесных насекомых, влияние факторов микроклимата (температуры и влажности) на <...> развитие *Monochamus* в стволах деревьев» [7]. Андрей Рихтер при составлении плана исследований предусмотрел работу в экспедициях в лесных районах Сибири и Дальнего Востока, климатически наиболее подходящих. Его не удовлетворяла кабинетная работа в стенах лабораторий и, напротив, привлекали экспедиционные полевые исследования, для которых, как он считал, вполне подходил по здоровью.

В 1934 г. у него уже были три опубликованные работы, в том числе первая его публикация «К вопросу об экологии *Chrysobothris chrysostigma* L.» Краткий благожелательный отзыв о ней дал научный сотрудник ЗИНа А. Н. Рейхардт.

Однако в дальнейшем работа над темой притормозилась, возможно, потому, что молодой ученый увлекся исследованием новых объектов

и явлений. Срок аспирантуры подходил к концу, а работа была далека от завершения. Поэтому в конце мая 1934 г., после прохождения аспирантуры в ЗИНе под руководством проф. Н. Я. Кузнецова, аспирант А. А. Рихтер был направлен директором ЗИНа к старшему зоологу института проф. А. В. Мартынову – «исключительно для руководства его диссертационной работой». Срок представления диссертации был установлен на 1 июня 1935 г. Новый руководитель начал с того, что предложил новую тему. В своем отзыве о работе аспиранта А. А. Рихтера, направленном в конце 1934 г. в Комитет по подготовке кадров АН СССР, Андрей Васильевич писал: «По согласованию со мной А. А. Рихтер остановился на теме “Морфология надкрыльев жуков”». Далее он рассказывал о ходе работы Андрея Андреевича над темой и особенностях его творческой личности: «Так как А. А. Рихтер уже ранее занимался жуками, настоящая тема не должна была быть для него совершенно чуждой и я настоятельно рекомендовал ее, считая ее многообещающей и расширяющей научные “горизонты”. А. А. Рихтер сначала принял за работу и сделал кое-какие рисунки, но вскоре затем отпуск и другие причины отвлекли его, и он вновь приступил к работе по теме лишь поздней осенью. Длительный перерыв вызывал во мне определенное беспокойство за судьбу работы, на что я неоднократно обращал внимание как его, так и директора ЗИН. Когда однако А. А. Рихтер вновь засел за работу, я вскоре с удовольствием убедился в том, что интерес темы и ее перспективы постепенно увлекли его и с тех пор он стал заниматься своей работой усердно и с увлечением. Вначале мне пришлось много поработать с ним, направляя его, указывая литературу и проч. В конце концов он быстро освоился с разными сторонами темы, проявил инициативу и стал самостоятельно ставить и разрешать некоторые вопросы. Справиться с разными сторонами темы (а тема эта новая, сложная и далеко не может быть исчерпана одной работой) помогли ему научный интерес, природные способности и живость ума, затем его предварительная осведомленность и ориентировка в энтомологии, особенно в группе жуков, общее развитие и, наконец, знание иностранных языков» [8].

Мы видим из этой характеристики, насколько натура Андрея Андреевича, совсем еще молодого человека, – увлекающаяся и непостоянная – была подвержена колебаниям и сменам настроения, возможно, под действием внешних обстоятельств. Чем был вызван «длительный перерыв» в его деятельности до поздней осени 1934 г.? Возможно, это были семейные причины,

в первую очередь тяжелая болезнь и смерть его матери Веры Андреевны 3 ноября того же года.

В этом же отзыве А. В. Мартынов подчеркивал важность соображений приоритетного характера для исследования А. А. Рихтера: «Работу по изучению морфологии надкрыльев жуков я считаю очень важной и сулящей богатые общие результаты, между тем за границей в этой области почти ничего не сделано. Начало ей сделано мною, но Рихтер продвинул ее теперь дальше и разработал на всех главных группах жуков. Это позволило ему сделать некоторые, весьма существенные, выводы эволюционного характера и критически отнестись и к современной систематике жуков». При этом он выражал опасение, что автор диссертационной работы к плановому сроку 1 июня 1935 г. представить ее к защите не успеет. Но он еще не знал, на что способен его подопечный: Андрей Андреевич закончил аспирантуру и представил к защите диссертацию в установленный срок. 10 апреля он был зачислен в штат ЗИН АН СССР научным сотрудником энтомологического отдела, с окладом в 348 рублей и выдачей хлебной карточки.

В это же время Андрею Андреевичу было поручено выполнение обязанностей ученого секретаря Института. Из личного листка по учету кадров мы узнаем его адрес – Ленинград 164, Васильевский о-в, Тучкова наб., 2а, кв. 33. Это квартира его отца, к тому времени переехавшего из Москвы, чтобы занять пост директора Лаборатории биохимии и физиологии растений АН в этом же здании. Из отзыва профсоюзного комитета об «общественной работе» мы видим, что А. А. Рихтер – член редколлегии стенной газеты и руководил работой «легкой кавалерии» (теперь это уже забытая специфика того времени – одна из форм привлечения молодежи к общественной деятельности). Ему также посоветовали вступить в комсомол, и он сделал это в 1934 г.

Защита диссертации «О жилковании надкрылий жуков в связи с их филогенией» была назначена в ЗИНе на 19 июня 1935 г., но затем перенесена и состоялась 27-го числа. Общий объем ее составил 123 страницы машинописи. Краткие, на четырех страничках, тезисы диссертации были опубликованы перед защитой, сама диссертация в опубликованном виде света не увидела, о чем можно только сожалеть. В кратком изложении она была представлена в виде статьи [9].

По своему значению исследование, проведенное Андреем Андреевичем, далеко выходило за рамки требований, предъявляемых к кандидатским диссертациям. Это была новаторская работа, результаты которой, полученные новым,

найденным автором методом, дали материал для анализа филогении этой группы насекомых и «переустройства» их систематики. Отзывы оппонентов профессоров А. В. Мартынова и А. П. Семенова-Тян-Шанского были весьма благоприятными. Первый оппонент подчеркнул, что диссертация А. А. Рихтера является «несомненно ценной научной работой, разъясняющей нам морфологию жилкования очень многих групп жуков и приводящую эти данные в довольно стройную систему. За короткий срок сделано много, даже больше того, что можно было ожидать...». Вторым оппонентом в своем отзыве отметил преимущество исследований А. А. Рихтера и А. В. Мартынова по данной проблеме: «Идя по стопам А. В. Мартынова и следуя в множестве случаев его руководящим указаниям, автор вышел на широкий путь самостоятельного изучения надкрылий жуков как передней пары их крыльев и сделал для констатирования и интерпретации их жилкования уже очень много». Оппонент выделил основные заслуги автора: «... автор совершенно правильно понял объем своей работы, поставив изучение жилкования надкрылий в связь с дальнейшим изучением жилкования нижних крыльев жесткокрылых насекомых. Далее бесспорной заслугой А. А. Рихтера является применение нового метода исследования жилкования надкрылий путем наблюдения их оборотной стороны, на которую до сих пор почти никто не обращал никакого внимания, а также путем просвечивания надкрылий». Прекрасное начало, обещавшее еще большие достижения на открывшемся пути.

Уже в октябре 1935 г. Президиум АН СССР (еще не было ВАКа) утвердил присуждение степени кандидата наук молодому ученому. Он получил эту степень одним из первых в стране, так как сама процедура и ученые степени были восстановлены только что, в конце 1934 г. В том же году Андрей Рихтер становится старшим научным сотрудником ЗИН АН СССР. В начале декабря 1936 г. он выступил с докладом по теме диссертации на совещании по зоологическим проблемам, организованном группой биологии Отделения математических и естественных наук АН СССР.

В середине 30-х гг. настало время испытаний крепости семейных уз. В отношениях Андрея и Людмилы стали возникать трения, и в 1935 г. семья распалась. Их старший сын Яков (1931) остался с отцом, а Людмила, забрав младшего сына Александра (1934), вернулась в родной Саратов. Андрей Андреевич создал новую семью с Маргаритой Ервандовной Тер-Минасян, аспиранткой ЗИНа, приехавшей из Закавказья. В

1936 г. Яков был возвращен матери, а в новой семье 28 августа того же года родилась дочь Вера, впоследствии также известный энтомолог.

Беда настигла Андрея Андреевича в 1938 г. В начале июля органы НКВД арестовали его и несколько других сотрудников ЗИНа, имевших «подозрительные» иностранные фамилии – Г. П. Адлерберга, Г. У. Линдберга, А. Н. Рейхардта, А. А. Штакельберга, Б. К. Штегмана, П. Ю. Шмидта и других. Мы не знаем подробностей ареста Андрея Андреевича, но как это произошло с его коллегой А. А. Штакельбергом, мы видим из письма его жены Натальи Сергеевны президенту АН СССР В. Л. Комарову: «А. А. был арестован на даче 11/VII <...> по ордеру от 5.VII №7/770. Когда в Музее (старое название ЗИНа. – *авт.*) было уже арестовано 9 человек, все с нерусскими фамилиями, я стала беспокоиться. А. А. рассердился: “Или ты веришь Советской власти, или не веришь. Меня арестовывать нецелесообразно и не за что” – с этой уверенностью он и жил до момента ареста» [10]. Через три дня его уволили из института. Его жене партгором института тов. Данильченко было заявлено, «что они надеются, что А. А. и Рихтера выпустят без предъявления обвинения» [10]. В течение долгих месяцев следователи НКВД пытались состряпать очередное групповое дело о шпионаже, применяя свой арсенал воздействия и издевательств. Так, А. А. Штакельберга, ученого секретаря малярийной комиссии Академии наук с 1924 г., обвинили в том, что он японский шпион и завёз в Приморье малярию (!). Как вспоминал один из сотрудников ЗИНа, «Большинство из арестованных сумело выстоять. Хотя некоторые и подписали признание в вымышленных преступлениях, однако никто из них не взводил обвинений на своих коллег, и задуманное следователями “дело” “не склеивалось”». Возможно поэтому, когда весной 1939 г. Н. И. Ежова сняли с последней наркомовской должности и кое-кого стали выпускать из тюрем, 9 апреля 1939 г. вышел на свободу вместе со своими коллегами и Андрей Андреевич Рихтер. Внешний вид его изменился: у него не хватало зубов и он уже не улыбался. Лишь Г. П. Адлерберг не вернулся – «он имел неосторожность родиться графом, а его прадед и дед были министрами императорского двора» [11].

Сразу же после выхода из следственной тюрьмы Андрей Андреевич Рихтер 10 апреля 1939 г. подал заявление о восстановлении на работе «в связи с освобождением из-под стражи за прекращением следствия по моему делу» [12]. В тот же день, как видно из резолюции директора ЗИНа акад. С. А. Зернова, он был восстановлен на работе в той же должности.

К октябрю 1939 г. М. Е. Тер-Минасян подготовила перевод мужа на работу в Биологический институт Армянского филиала АН СССР (АрмФАН) и, приехав в Ленинград, уговорила его уехать подальше от пережитого ужаса. Отъезд был настолько внезапным, что Андрей Андреевич не успел привести свои дела в порядок и попрощаться со многими коллегами. В своем письме Семенову-Тян-Шанскому 19 октября 1939 г., уже из Москвы (из дома отца на Спиридоновке), он извинялся за свой скоропалительный отъезд: «До последнего часа в Ленинграде надеялся зайти к Вам попрощаться, но это мне не удалось. Первая причина – неумение мое распределить время, вторая – мне пришлось безконечно долго бороться с адм[инистрацией] ЗИНа, чтобы отстоять элементарные права, которые, мне казалось, ни у кого не могут вызвать сомнений, и на это времени у меня не было предусмотрено вовсе. <...> Очень прошу извинить меня, что не зашел перед отъездом. Ваш А. Рихтер» [13].

Согласно распоряжения по ЗИН АН СССР 16.10.1939 г. старший научный сотрудник А. А. Рихтер был переведен на работу в Зоологический сектор Биологического института АрмФАН. Позднее этот сектор был развернут в Зоологический институт АрмФАН, где он был назначен заведующим сектором зоологии беспозвоночных.

Внезапно начавшаяся война всё изменила. Еще в мае А. А. Рихтера призвали на военные сборы в Красную Армию, причем, как оказалось, он не имел «брони». 3 июля 1941 г. он был призван по мобилизации рядовым-минометчиком и просидел несколько месяцев в окопах на границе с Турцией, считавшейся возможным союзником Германии. Здесь он тяжело заболел малярией и после госпиталя в Тбилиси (куда попал не сразу) получил от медиков «белый билет»; в сентябре 1941 г. был демобилизован. Впоследствии малярия привела к спленомегалии и другим осложнениям, которые не поддавались лечению. Находясь в госпитале, он узнал, что полк, в котором он служил, был срочно брошен навстречу прорвавшимся под Ростовом немецким войскам и, не дойдя до фронта, был разгромлен авиацией в эшелонах. К этому времени относится эпизод, когда Андрей Андреевич, больной и еще очень слабый, пытался выехать из Тбилиси в Ереван, но не мог достать билет на поезд. Выручил случайно его встретивший Б. М. Вревский, служивший на Черноморском флоте. Он быстро достал в воинской кассе билет и посадил в поезд Андрея, который, благодаря его, сказал: «Вот теперь я спасен, буду жить!»

Несколько оправившись от болезни, Андрей Андреевич продолжил работу в Академии наук, в своем институте, где ему с 12 сентября 1941 г. в той же должности предоставили возможность свободно распоряжаться своим временем. С 20 февраля 1942 г. он был назначен зав. сектором зоологии Биологического института, но менее чем через год попросил освободить его от этих обязанностей и на основании специального постановления Президиума АрмФАН был оставлен с 7 декабря 1942 г. в должности старшего научного сотрудника. Первым выполненным им заданием был срочный выпуск брошюры под названием «Ядовитые змеи Армении», вышедшей в естественно-научной популярной серии издательства АрмФАН в 1943 г.

За несколько военных лет А. А. Рихтер очень много успел сделать, заметно продвинув познание энтомофауны Закавказья и особенно Армении. 12 мая 1945 г. на Объединенном Совете институтов Отделения биологических наук АрмФАН в Ереване Андрей Андреевич защитил докторскую диссертацию «Златки СССР». 27 октября 1945 г. он был утвержден ВАК в степени доктора биологических наук. Вторым радостным событием для него было рождение дочери Натальи 26 июля 1945 г. В 1947 г. 14 февраля ему было присвоено ученое звание профессора. В эти же годы Андрей Андреевич, несмотря на ухудшающееся здоровье, много ездил между Ереваном, Москвой и Ленинградом, дважды бывал в Саратове, навещая сыновей. Он вел активные переговоры о возвращении в Ленинград, куда его усиленно звали из ЗИНа. Все эти хлопоты отнимали немало времени. Андрей Андреевич стремился после окончания войны вернуться в свой институт, где были сосредоточены богатейшие уникальные коллекции, нуждавшиеся в пересмотре и дальнейшем изучении. Он написал директору ЗИНа заявление с просьбой восстановить его на работе и обеспечить жилплощадь в связи с приездом его семьи. По заявлению А. А. Рихтера было принято быстрое решение о приеме его на работу в ЗИН АН СССР с 1.07.1945, но затем начались сложности с решением конкретных вопросов, в том числе о жилье.

Несмотря на прогрессирующую болезнь, в эти годы Андрей Андреевич еще пытался работать в полевых условиях, сочетая экскурсии с летним отдыхом, занимаясь сборами насекомых и наблюдениями за ними. Он стал одним из авторитетнейших специалистов в области систематики, открывшим много новых видов насекомых в Закавказье. После длительных переговоров 11 октября 1948 г. вопрос о его приеме на работу

в ЗИН был решен. Квартиру предоставил институт, вернее, его директор акад. Е. Н. Павловский, выделивший из своей квартиры на третьем этаже ЗИНа одну большую комнату с отдельным входом. 19 октября в Отделение биологических наук АН СССР из института было направлено ходатайство о назначении А. А. Рихтера заведующим лабораторией колеоптерологии ЗИНа. Возможно, на окончательное решение о переезде повлияло и то, что после злополучной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Зоологический институт в Армении, как и большинство биологических учреждений в стране, был по сути разгромлен уже в конце того же года. «От него мало что осталось», – писал Андрей Андреевич своим сыновьям. Один из авторов, Я. А. Рихтер вспоминает, что по возвращении в Москву в конце августа 1948 г. отец, взяв его с собой, встретился на квартире М. Х. Чайлахяна, ученика акад. А. А. Рихтера и своего давнего друга, с несколькими знакомыми биологами и обсуждал положение дел.

12 февраля 1949 г. Андрей Андреевич приехал в Ленинград и явился на службу в Институт. Там его ждала гора дел и масса хлопот по организации лаборатории. Но он не успевал, было слишком поздно, неотвратимо наступала болезнь. У него осталось совсем немного времени. Он понимал это.

В ЗИНе Андрей Андреевич занялся труднейшим делом восстановления лаборатории жесткокрылых, в которой он начинал свою работу еще в 1930-х гг. и был одним из активных ее сотрудников. Кроме того, он взял на себя еще одно важнейшее дело, очевидно, уже невыполнимое для него – составление полного определителя жуков европейской части СССР [14]. В начале 1949 г. в серии «Фауна СССР» вышла его монография о златках, где были приведены результаты многолетних исследований начиная с периода 1934–1938 гг. Кроме коллекции ЗИНа, отличавшейся, как считал Андрей Андреевич, «почти исчерпывающей полнотой», были использованы коллекции Зоологических институтов Армянской и Азербайджанской академий, а также Государственного музея Грузии, Дальневосточной горно-таежной станции АН СССР, некоторые коллекции Зоологического музея Московского и Одесского университетов. Важную роль сыграли и собственные сборы, давшие новый материал, во время экспедиций в Ленинградской области (1934–1937 гг.), в Уссурийском крае (1937 г.) и в Армении (1935–1944 гг.). Его дочь Вера Андреевна, ставшая энтомологом, писала на сайте ЗИНа в сентябре 2004 г.: «Начав накопление знаний в области энтомологии еще в юношеские годы,

А. А. был тонким систематиком-диагностом, при этом он придавал огромное значение изучению образа жизни и трофических связей видов жесткокрылых в природе. Не прекращая полевых исследований на протяжении всей жизни, он хорошо знал среднюю полосу европейской части России, Закавказье и Дальний Восток» [15].

В последний год жизни болезнь вступила в заключительную стадию. Попытки лечения рентгеном не дали заметного улучшения. В августе 1949 г. ему пришлось лечиться в клинику Военно-медицинской академии в Ленинграде, где его интенсивно лечили, применяя переливание эритроцитной массы. Огромных размеров достигла увеличенная селезенка, в крови – огромное количество лейкоцитов. Андрей Андреевич отчетливо сознавал свое положение, чувствовал обреченность. В одном из писем сыновьям он сетовал: «Работы очень много, но жизнь коротка – всего не успеешь. Даже десятой доли того, что хотелось бы сделать, приходится торопиться». Он возвратился на работу в Институт 18 ноября. Руководство стремилось его поддержать – 21 декабря он был премирован за подготовку к изданию «Инструкции по зоологическим вопросам ползающего лесоразведения». Некоторое улучшение состояния позволило Андрею Андреевичу съездить в командировку в Москву, в Институт эволюционной морфологии животных АН СССР с 25 января по 2 февраля 1950 г. Это была его последняя поездка. 5 мая А. А. Рихтер был переведен на должность заведующего отделением, старшего научного сотрудника.

Весной 1950 г. положение стало очень серьезным. В письме от 18 мая Андрей Андреевич писал сыновьям: «...врачи просто запрещают мне вовсе работать. Это единственное – что они могут предложить, после того, как выясняется, что их лечение действует ненадолго и лечить они меня не умеют». Операции ему не делали потому, что, по заключению врачей, он бы ее не перенес. Болезнь завладевает им, почти не оставляя времени для работы даже дома. И тем не менее, он продолжал бороться с болезнью за каждый день и час своей жизни. 3 июня 1950 г. он пишет рапорт о выходе на работу «после болезни» и просит об укорочении рабочего дня по состоянию здоровья.

22 июня 1950 г., в возрасте 39 лет, Андрей Андреевич Рихтер скончался дома. Он был похоронен на Богословском кладбище в Ленинграде.

В списке научных трудов А. А. Рихтера насчитывается 32 работы, среди них много рукописных, так и неопубликованных. По дороге, намеченной им и его учителем А. В. Мартыновым, прошло уже много поколений исследователей и накоплен огромный материал, продолжаются дискуссии

и ставятся новые проблемы. Сам он не имел времени для продолжения исследований в этом направлении и был занят кропотливой работой по изучению своих любимых жуков-златок и всего многообразия Coleoptera. Он стал авторитетным специалистом в области систематики, оставив после себя ценнейшие монографические сводки по златкам всей страны. Вся его жизнь была посвящена любимой науке, которой он служил до последнего вздоха. Она была прервана в самую пору расцвета и можно лишь догадываться, каких научных вершин он мог бы достичь.

Персоналии, упомянутые в тексте:

Вревский Борис Михайлович – сын М. С. Вревского (1871–1929), известного химика, профессора СПбУ, и Ржевской Н. П., первой жены А. А. Рихтера, отца Андрея Рихтера.

Кузнецов Николай Яковлевич (1873–1948) – энтомолог, профессор С.-Петербургского ун-та (1931), вице-президент Всесоюзного энтомологического общества (1933), профессор Ленинградского сельскохозяйственного института (1934).

Мартынов Андрей Васильевич (1879–1938) – энтомолог, профессор, научный сотрудник ЗИН и Палеонтологического института АН СССР, основатель палеоэнтомологии.

Поспелов Владимир Петрович (1872–1949) – известный энтомолог, приват-доцент Киевского университета Святого Владимира (1904), профессор Воронежского сельскохозяйственного института (1913), Саратовского университета (1927–1930), Ленинградского сельскохозяйственного института (1930–1940). Зав. лабораторией Всесоюзного НИИ защиты растений (ВИЗР) (1929–1940).

Рейхардт Аксель Николаевич (1891–1942) – энтомолог, с 1933 г. – старший научный сотрудник, зав. отделением ЗИН АН СССР, специалист по систематике отряда жуков.

Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович (1866–1942) – крупнейший энтомолог и биогеограф, профессор, президент Русского энтомологического общества (1914), ведущий научный сотрудник ЗИН АН СССР.

Старк Владимир Николаевич (1898–1962) – известный энтомолог, в 1930-х гг. профессор Ленинградского института по борьбе с вредителями и болезнями сельского и лесного хозяйства, возглавлял лабораторию по изучению лесных вредителей (ВИЗР).

Чайлахян Михаил Христофорович (1902–1991) – крупнейший ботаник и физиолог растений, создатель гормональной теории развития растений (1937). Академик АН СССР (1968), академик АН Армянской ССР (1971). Лауреат Премии имени К. А. Тимирязева АН СССР (1985).

Список литературы

1. Рихтер Я. А., Аникин В. В. История коллекции насекомых А. А. Рихтера в Зоологическом музее Саратовского государственного университета // Энтомологические и паразитологические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Аникина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2020. Вып. 17. С. 152–159.
2. Рихтер Я. А., Рихтер Т. Я. Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России... (А. А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Ист.-биол. исследования. СПбФ ИИЕТ РАН. 2020. Т. 12, № 1. С. 9–34.
3. Архив Российской академии наук (далее – АРАН), архив акад. В. Л. Комарова, ф. 277, оп. 4, д. 1246, л. 57–58.
4. АРАН, архив акад. В. Л. Комарова, ф. 277, оп. 4, д. 1246, л. 64.
5. АРАН, архив акад. В. Л. Комарова, ф. 277, оп. 4, д. 1246, л. 66–66 об.
6. АРАН, архив акад. В. Л. Комарова, ф. 277, оп. 4, д. 1246, л. 71–71 об.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – АРАН СПбФ), ф. 55, оп. 4, д. 283, л. 30–31.
8. АРАН СПбФ, ф. 55, оп. 4, д. 283, л. 40 и 40 об.
9. Рихтер А. А. О жилковании надкрылий жуков в связи с их филогенией // Энтомологическое обозрение. 1935. Т. 26, № 1–4. С. 25–58.
10. АРАН, архив акад. В. Л. Комарова, ф. 277, оп. 3, д. 38.
11. Из воспоминаний О. Л. Крыжановского. URL: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/reichard.htm> (дата обращения: 11.08.2020).
12. АРАН СПбФ, ф. 55, оп. 4, д. 283, л. 41.
13. АРАН СПбФ, ф. 722, оп. 2, д. 892, л. 1–1 об.
14. Штакельберг А. А. Памяти Андрея Андреевича Рихтера // Энтомологическое обозрение. 1952. Т. 32. С. 341–344.
15. Зоологический институт Российской академии наук. URL: <https://www.zin.ru/Animalia/Coleoptera/rus/richter.htm> (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. Richter Ya. A., Anikin V. V. History of the A. A. Richter insect collection in the Zoological Museum of Saratov State University. V. V. Anikin, ed. *Entomological and parasitological investigations in the Volga region: coll. proc.*, 2020, iss. 17, pp. 152–159 (in Russian).
2. Richter Ya. A., Richter T. Ya. Now work, first of all, work is especially needed for Russia...” (A. A. Richter at Perm University in 1917–1923). *Studies in the History of Biology, SPbF ILET RAN*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 9–34 (in Russian).
3. Archive of RAS, archive of academician V. L. Komarov, fund 277, register 4, file 1246, pp. 57–58 (in Russian).
4. Archive of RAS, archive of academician V. L. Komarov, fund 277, register 4, file 1246, pp. 64 (in Russian).
5. Archive of RAS, archive of academician V. L. Komarov, fund 277, register 4, file 1246, pp. 66–66 reverse (in Russian).
6. Archive of RAS, archive of academician V. L. Komarov, fund 277, register 4, file 1246, pp. 71–71 reverse (in Russian).
7. Archive of RAS, S.-Peterburg branch, fund 55, register 4, file 283, pp. 30–31 (in Russian).
8. Archive of RAS, S.-Peterburg branch, fund 55, register 4, file 283, pp. 40–40 reverse (in Russian).
9. Richter A. A. Beetles’ elytral venation in relation to their phylogeny. *Entomological Review*, 1935, vol. 26, no. 1–4, pp. 25–58 (in Russian).
10. Archive of RAS, archive of academician V. L. Komarov, fund 277, register 3, file 38 (in Russian).
11. *From the memoirs of O. L. Kryzhanovskiy*. Available at: <https://www.zin.ru/animalia/coleoptera/rus/reichard.htm> (accessed 11 August 2020) (in Russian).
12. Archive of RAS, S.-Peterburg branch, fund 55, register 4, file 283, p. 41 (in Russian).
13. Archive of RAS, S.-Peterburg branch, fund 722, register 2, file 892, p. 1–1 reverse (in Russian).
14. Stackelberg A. A. In memory of Andrey Andreevich Richter. *Entomological Review*, 1952, vol. 32, pp. 341–344 (in Russian).
15. Zoological Institute of Russian Academy of Sciences. Available at: <https://www.zin.ru/Animalia/Coleoptera/rus/richter.htm> (accessed 11 August 2020).

Поступила в редакцию 25.09.2020, после рецензирования 29.09.2020, принята к публикации 01.10.2020
Received 25.09.2020, revised 29.09.2020, accepted 01.10.2020